

Цзи Юаньцзин и двое его товарищей добрались до ворот дома почти одновременно с незванными гостями. За отрядом из десятка людей с красными повязками на рукавах тянулся хвост любопытных односельчан. Те держались на почтительном расстоянии и, вопреки обыкновению, старались говорить приглушённо, обмениваясь догадками.

— С чего бы это они к семье Цзян нагрянули? — шептались в толпе. — Мать да сын, люди тихие, честные — чище не сыщешь. Цзян Циншань и вовсе со службы по ранению вернулся, вся семья — корень красный, ростки правильные.

— Тсс, потише ты, не ровен час услышат! — одёрнул соседа другой старик. — Позабыл, что ли? У них же двое образованных юношей на постое.

— Ты про Цзи Юаньцзина и Чэнь Цзяньхуа? Да быть того не может! Из всех наших городских, если не считать Линь Дуна, эти — самые работающие. С первого дня в поле, и ни единой жалобы от них не слышали. Какие у них могут быть проблемы?

Среди жителей бригады эти двое пользовались доброй славой. Поначалу деревенские матроны опасались, что статный Цзи Юаньцзин вскружит головы местным девчонкам, но молодой человек держался со всеми на расстоянии, не давая ни малейшего повода для флирта или двусмысленности. Со временем даже самые суровые тётушки прониклись к Цзи Юаньцзину симпатией.

— Открывай! А ну, отворяйте живо, мы заходим с обыском! — раздался резкий выкрик.

В этот момент подоспел запыхавшийся Ню Гочжу, вытирая пот со лба.

— Товарищи, постойте! — крикнул секретарь. — Я секретарь местной ячейки. Позвольте узнать, по какому поводу...

Командовал отрядом мелкий начальник — Цзи Юаньцзин сразу заметил его. Мужчина этот был щуплым, невзрачным, со змеиными, треугольными глазками. Один его вид вызывал инстинктивное отвращение. Особенно неприятно было видеть, как его сальный взгляд задерживается на проходящих мимо девушках.

Этот человечек, раздуваясь от собственной важности, надменно бросил:

— Так ты секретарь? Мы из ревкома коммуны. Поступил донос от бдительных граждан: здешние образованные юноши замечены в распространении реакционных идей. Так это или нет — обыск покажет. Живо открывай, не то выломаем дверь!

— Реакционные идеи? — по толпе пронёсся испуганный вздох. Взоры всех присутствующих

немедленно обратились к Цзи Юаньцзину и Чэнь Цзяньхуа — ведь в доме Цзянов жили только они.

Линь Дун выступил вперёд, пытаясь защитить товарищей:

— Это какая-то ошибка! Можно узнать, кто подал жалобу? Это же чистой воды вредительство, подрыв сплочённости в рядах нашей молодёжи!

— Чист человек или нет — обыск рассудит. Мы не станем обижать достойного гражданина, но и вражеским элементам пощады не будет!

Цзи Юаньцзин спокойно вышел из толпы:

— А если вы ничего не найдёте? Будет ли это означать, что доносчик намеренно сеет смуту, клеветает на честных людей и мешает народному единству?

— Ты ещё кто такой? — Тщедушный мужчина с треугольными глазками смерил юношу взглядом, полным неприязни. До того как выбиться в мелкие начальники ревкома, он из-за своей внешности не мог найти себе даже невесты. Теперь, обретя власть, он купался в женском внимании, но старые обиды не забыл: красивые, уверенные в себе «белоручки» были для него как бельмо на глазу.

— Я тот самый юноша, что здесь живёт. Вы можете войти, но я пойду вместе с вами. Чтобы избежать... недоразумений, — последние слова Цзи Юаньцзин не закончил, но смысл был ясен каждому.

Линь Дун решительно поддержал его:

— Верно. Мы зайдём вместе, чтобы всё было по справедливости.

— Я секретарь бригады, я тоже иду, — добавил Нью Гочжу.

— А я хозяин этого дома, и я сам открою дверь, — Цзян Циншань, прищурившись, наблюдал за начальником отряда. Этому проходимцу лучше было не пытаться выкинуть какой-нибудь фокус.

Предводителя этого сброда звали Юй Доцянь, но, едва попав в ревком, он сменил имя на Юй Гэмин, желая показать свою преданность революционному делу. Впрочем, чьими жизнями он готов был жертвовать ради этого дела, знал только он сам.

Гэмин не успел возразить — Цзян Циншань уже распахнул дверь, и вся компания гурьбой ввалилась в дом.

Циншань ещё утром предусмотрительно отвёл мать к дяде, чтобы та не пугалась. И как в воду глядел — при виде такого погрома бедная женщина наверняка лишилась бы чувств.

— Где ваша комната?

— Здесь.

— Заходим!

Юй Гэмин со своими прихвостнями ворвался в спальню Цзи Юаньцзина и Чэнь Цзяньхуа. В ту же секунду тишину дома разорвал грохот переворачиваемой мебели. Москитную сетку бесцеремонно сорвали, одеяла полетели на грязный пол, сундуки распахнулись, и одежда градом посыпалась под ноги обыскивающим, которые тут же начали по ней топтаться.

У сельчан, наблюдавших за этой сценой, в груди закипала ярость. Разве это законный обыск? Чистой воды разбой! Но никто не смел проронить ни слова — в эти беспокойные времена люди больше всего на свете боялись навлечь на себя гнев этой братии.

Юноша предвидел подобное развитие событий. Ещё ночью он упаковал все медицинские трактаты и редкие книги в промасленную ткань и спрятал их в глубокой горной пещере. Всё, что осталось в комнате, было безупречно чистым с политической точки зрения — придраться было не к чему.

— Пусто? Почему ничего нет?

— Быть того не может...

Члены отряда перешёптывались, сгрудившись в кучу. Окружающие не слышали их слов, но Цзи Юаньцзин и Цзян Циншань, обладавшие острым слухом, переглянулись. Догадка подтвердилась: эти люди пришли за чем-то конкретным. Они с таким остервенением обыскивали постель молодого человека, что едва не разнесли кровать по доскам.

Внезапно с полки с грохотом упала алюминиевая коробка из-под завтрака, в которой хранились деньги и талоны. Крышка отлетела, и содержимое рассыпалось по полу.

— Ого! — не удержался кто-то из деревенских, заглядывая в окно.

Даже при беглом взгляде было видно, что одних только десяти-юаневых банкнот «Датуаньцзе» там наберётся десятка два, не считая мелочи. Никто и подумать не мог, что у тихого юноши скоплено такое состояние.

У людей из ревкома при виде денег перехватило дыхание, руки их невольно потянулись к

рассыпанным купюрам. Однако под пристальным взглядом десятков глаз они не решились на грабёж — в комнате, помимо Нью Гочжу, уже собралось несколько уважаемых старейшин бригады.

Цзи Юаньцзин медленно подошёл и стал подбирать банкноты одну за другой. У Юй Гэмина глаза налились кровью от жадности. Хоть он сам теперь и не бедствовал, но кто откажется от лишних денег? Если не ему, то его подручным они бы точногодились, но протянуть руку он не посмел.

Убрав деньги обратно в коробку и плотно закрыв крышку, юноша спокойно спросил:

— С этим, я полагаю, проблем нет?

— Нет. Припрятать их получше, — сквозь зубы процедил Юй Гэмин.

Они обшарили каждый угол, заглянули в каждую щель в полу и стенах, но так и не нашли того, за чем пришли. Предводитель, уперев руки в бока, кипел от злости. Взгляд его упал на соседнюю дверь.

— А там что? Эту комнату мы тоже обыщем!

Цзян Циншань медленно преградил им путь.

— Это моя комната. Вы уверены, что хотите войти туда?

— Почему это нет? Ты что, препятствуешь революционной работе? Понимаешь, чем это пахнет?

Циншань молча зашёл в свою комнату и через мгновение вернулся, держа в руках небольшую книжицу.

— Обыскивайте, если угодно. Но после я лично наведаюсь в Военный отдел и задам им пару вопросов.

При виде удостоверения ветерана, уволенного в запас по ранению, зрочки мелкого начальника сузились. Дело принимало скверный оборот. Но и уходить с пустыми руками было тошно — как потом оправдываться перед директором Ма?

Юй Гэмин был лишь мелкой сошкой в ревкоме и не знал, есть ли у этого Цзян Циншаня покровители в Военном отделе. А с военными шутки плохи — это знали все. Он бросил последний взгляд на разгромленную комнату и понял, что притянуть обвинение за уши не получится. Стиснув зубы, он махнул рукой:

— Собираемся! Уходим. — На его лице появилась кривая, фальшивая ухмылка. — Мы вернёмся и самым тщательным образом проверим личность доносчика. Мы не позволим, чтобы честных граждан оговаривали зазря.

— Будем на это надеяться, — сухо отозвался Цзян Циншань.

Когда отряд ревкома скрылся из виду, Нью Гочжу обратился к собравшимся:

— Всё, инцидент исчерпан. Расходитесь по делам. Цзи Юаньцзин, Чэнь Цзяньхуа, можете сегодня в поле не выходить — приберитесь тут. Ничего страшного не случилось, так что прошу всех: не разносите сплетни и не чешите языками почём зря.

— Мы всё поняли, товарищ секретарь! — выкрикнул кто-то из толпы. — Они ведь ничего не нашли, верно? Какой-то подлец решил оклеветать наших людей. Если узнаем, кто это был — не сносить ему головы! Покоя им не даёт мирная жизнь, всё норовят беду накликасть.

Несмотря на любовь к зрелищам, сельчане люто ненавидели доносчиков. Сегодня пронесло, но если бы ревком действительно что-то нашёл, пострадала бы вся бригада. Каждому было не по себе от мысли, что завтра эти люди могут ворваться уже в его дом.

— Спасибо, товарищ секретарь. Спасибо, товарищ капитан, — поблагодарили руководителей Цзи Юаньцзин и Чэнь Цзяньхуа, провожая их.

Линь Дун, Ма Лили и другие товарищи-чжицины остались, чтобы помочь им и поддержать. Было очевидно: этот удар был направлен точно в цель. Ревком шёл по конкретному адресу, зная, кого искать. Несмотря на то что Юноша Цзи и Чэнь Цзяньхуа вели себя тихо, их всё равно не оставили в покое.

Ма Лили, глядя на истоптанную одежду и развороченную постель, в сердцах воскликнула:

— Только бы узнать, кто это сделал! Я этому гаду глаза выцарапаю!

Ван Лин, которая до этого пряталась за спинами, надеясь увидеть, как Цзи Юаньцзина уведут под конвоем, теперь не могла уйти первой. Услышав гневные возгласы, она невольно втянула голову в плечи.

«Неужели Ду Вэйго ошибся? — она втайне скрипнула зубами. — Он же клялся, что всё подготовил! Почему они ничего не нашли?»

Ей было страшно, что её сочтут соучастницей. Она знала, что если другие догадаются, её немедленно изгонят из коллектива, а этот человек ещё не подтвердил, сможет ли забрать её из деревни.

Набравшись наглости, Ван Лин выдавила:

— Слава богу, всё обошлось. Но... Юаньцзин, Цзяньхуа, вы уверены, что не перешли кому-то дорогу?

Она всё ещё надеялась перевести стрелки на самих пострадавших.

Чэнь Цзяньхуа смерил её ледяным взглядом. Вся её былая «хрупкость» и «доброта» теперь казались ему лишь мерзкой маской.

— Мы с Юаньцзином никогда никого не обижали без причины. Но если говорить о врагах... Ду Вэйго в последнее время уж очень недобро на нас косился. А говорят, у него в городе большие связи.

Ван Лин вздрогнула.

— Ду Вэйго? Нет, не может быть... — поспешно пролепетала она. — Брат Вэйго никогда бы так не поступил.

Ма Лили холодно усмехнулась, а остальные юноши и девушки посмотрели на Ван Лин с явным подозрением. Слишком уж странным было сегодняшнее происшествие. Цзи Юаньцзин в бригаде почти ни с кем, кроме Линь Дуна, Чэнь Цзяньхуа и Цзян Циншаня, не общался. Кому ещё он мог так насолить?

— Мне... мне пора на работу. Столько дел ещё, — не выдержав тяжёлых взглядов, Ван Лин позорно сбежала.

Ма Лили проводила её презрительным взглядом.

— Я голову даю на отсечение — без неё и Ду Вэйго тут не обошлось, — хмыкнула девушка. — Отныне не только Юаньцзину и Цзяньхуа нужно быть начеку. Всем нам, жителям Двора образованной молодёжи, стоит быть осторожнее, чтобы не проснуться однажды от такого вот «визита».

Если бы сегодня обыскали и Двор образованной молодёжи, никто не мог бы гарантировать, что там всё окажется так же чисто, как здесь. Наверняка что-нибудь да нашли бы. От одной этой мысли они ещё сильнее возненавидели Ду Вэйго и Ван Лин.